

ПРОДОЛЖАЕМ БЕСЕДУ за «круглым столом» (начало в «ВЧ» № 62, 1990 г.), в которой приняли участие **Г. ГАВРИЛОВ** — первый секретарь Славутичского горкома партии, **Г. ДАНИЛЕЙКО** — заведующий городским отделом народного образования, **А. ЗАГРАЙ** — начальник лаборатории внешней дозиметрии Чернобыльской АЭС, **Е. ИВАНОВ** — руководитель комплексной экспедиции Всесоюзного научно-исследовательского института атомных электростанций (Москва), **Н. НИКОЛАЙЧУК** — руководитель секции информации ассоциации женщин Славутича, **А. НИКОНЕНКОВ** — начальник медсанчасти № 126, **Л. НОСАРЕВА** — член общества «Припять», **С. ПАВЛОВСКИЙ** — секретарь Славутичского горкома комсомола, **Н. СУРКОВА** — председатель ассоциации женщин Славутича, **В. ЩЕРБИНА** — зам. генерального директора ПО «ЧАЭС».

СЛАВУТИЧ: БЫТЬ

А. Заграй: В среднем на ЧАЭС дозовая нагрузка на работающего значительно меньше 5 бэр. Однако исключения есть — некоторые категории ремонтников и эксплуатационников, которые в силу характера выполняемой работы приближаются к этому уровню.

Вопрос: А какие дозы внешнего облучения в Славутиче?

А. Заграй: У нас проводили измерения два института. По данным ВНИИ АЭС — 0,22 бэра в год, Институт биофизики Академии медицинских наук СССР дал 0,19 бэра в год. Такие расхождения допустимы.

С. Павловский: Означает ли это, что можно не опасаться каких-либо острых заболеваний?

А. Заграй: Если говорить о территории города, то да.

Н. Суркова: А внутреннее облучение учитывается?

А. Заграй: Вот в оценке его обнаружили существенные расхождения у тех же институтов, что не позволило им прийти к единой точке зрения.

Н. Суркова: И какие же данные получили институты?

А. Заграй: Институт биофизики, исходя из того, что у нас в основном употребляются чистые продукты, определил, что доза жителя города не больше 0,02 бэра в год. ВНИИ АЭС рассчитал несколько вариантов: когда питаются только привозными продуктами, когда употребляют и местные, и когда только «грязные». По первой категории результаты отличаются незначительно. А вот по второй и третьей разброс большой. Если человек питается

и привозными и местными продуктами, то доза составляет 0,3 бэра в год, если только «грязными» — 1,4 бэра. Это верхний предел.

Вопрос: А местными продуктами питаются?

А. Заграй: Безусловно, но долю их в рационе оценить трудно.

Вопрос: В таких условиях стоит ли создавать подсобное хозяйство?

В. Щербина: Оно будет под сводом и на чистой почве. Мы преследуем здесь двойную цель. Жители населенных пунктов вокруг Славутича, которые входят в состав совхоза имени Коцюбинского, тоже пострадали. Мы и им должны создать приемлемые условия существования, считая это долгом станции. Наш коллектив чувствует моральную ответственность за все, что случилось в 1986 году, и там, где есть возможность, будем помогать этим людям.

Теперь относительно существования в жестких условиях подсобного хозяйства, которое будет давать продукты и городу, и окружающим селам. Мы ищем, и сегодня достаточно уверены, что создадим технологии, позволяющие выращивать «чистую» продукцию. Привлекли к работам серьезные научные силы.

Н. Николайчук: Мы получили садовые участки возле села Микшуновка. Я сейчас боюсь на своем огороде что-то выращивать. Посадила, когда взяла участок, пять яблонь да и бросила.

А. Заграй. Я принимал участие в выборе места для коллективных садов. Из предложенных нам участков —

или не быть?

это самое чистое. Здесь в основном до 30 мР/час, в некоторых местах — до 40 мР/час. Мы замеряем каждый участок отдельно и познакомим садоводов с полученными данными.

В. Щербина: Поскольку люди хотят иметь нормальные условия проживания, мы и решили создать садовое товарищество и выбрали для него самое чистое место — чище в нашем районе нет. Теперь мы решаем вопрос о рекомендациях, — а некоторые уже работали — чтобы люди могли выращивать продукты минимально загрязненные. На выращенное будут установлены радиационные нормы, будут проводиться проверки и контроль. Наша оценка на уровне сегодняшних знаний такова, что получаемые овощи и фрукты будут иметь загрязнение, не превышающее временных уровней содержания радиоактивных веществ в продуктах питания. Но наша задача сделать эти уровни близкими к минимальным, то есть такими, как средние по стране. Однако жить в Славутиче без всяких ограничений невозможно.

Корреспондент: У меня к вам вопрос, Владимир Григорьевич. Место для садов выбиралось весной прошлого года, а в декабре вышло постановление правительства Украины, которым Микшуновка и территория вокруг нее отнесены к зоне жесткого контроля. С точки зрения элементарной логики, здравого смысла, стоит ли оставлять сады в такой зоне и возможно ли выращивать здесь чистые продукты?

В. Щербина: В любых обстоятельствах здравый смысл

выручает больше, чем специальные знания. Тут я с вами согласен. В отношении Микшуновки, то в постановлении правительства она отнесена к территориям, жизненно связанным с районами сложной радиационной обстановки.

Корреспондент: Жизненно — это значит, что и на нее распространяются все показания и противопоказания территорий жесткого контроля.

В. Щербина: Если говорить с точки зрения достижения абсолютной чистоты, то на всей территории, прилегающей к Славутичу, ее обеспечить невозможно. Этого никто не скрывает. И ничего изменить невозможно. Мы говорим только, что можем обеспечить допустимые уровни воздействия на население, в том числе детей и беременных женщин. Поэтому мы и ставим вопрос, чтобы постановление Совета Министров УССР от декабря 1989 года было распространено на Славутич в том же объеме, что и на окружающие населенные пункты. Очень печально, что оно в нем забыли.

Л. Носарева: Когда в 1987 году нас уговаривали ехать сюда, то говорили, что здесь можно вольно жить, свободно гулять, свободно пользоваться лесом, рекой, лесными продуктами, рыбой...

В. Щербина: Эти заверения действительно были даны соответствующими компетентными органами, когда стал вопрос о выборе места. Тогда на станцию приезжали тогдашние министры здравоохранения СССР и УССР Чазов и Романенко, директор Института биофизики Ильин, руководящие работники Госкомгидромета СССР, Укргидромета. Администрация станции требовала не только устных, но и письменных подтверждений безопасности, особо подчеркивая, что они должны распространяться на детей и беременных женщин. После этого был установлен радиационный контроль и продолжено строительство. Именно тогда мы провели с помощью ученых комплекс исследований по оценке радиационной обстановки. В соответствии с ними возможность полученной дозы облучения на человека у нас разошлась с выводами высокой комиссии в несколько раз. Среднегодовая на-

грузка на человека составила 0,46 бэра в год, но максимальное, что он может получить, дошло до 1,4 бэра в год.

С нашими выводами не согласен ряд министерств, которые были причастны к определению места для Славутича. Дело значительно осложняется тем, что и среди ученых нет единого мнения по поводу кардинальной для нас проблемы — воздействие радиационной обстановки на дозовые нагрузки. Наша позиция здесь такова: следует исходить из оценки максимальной опасности. И мы будем отстаивать то мнение, что все неопределенности в этой проблеме должны трактоваться в пользу города.

С. Павловский: Пока ученые спорят, люди живут в этой обстановке. Как влияет она на заболеваемость? Как уровень ее у нас соотносится со средним по Союзу?

А. Никоненков: Мы имеем сравнительные характеристики всех атомных станций в стране. Уровень заболеваемости у нас не хуже и не лучше, чем на других. Правда, наблюдаются всплески вегето-сосудистой дистонии, приграничных с ней заболеваний, неврозов, невроподобных состояний.

С. Павловский: У меня один ребенок. Хочу иметь второго. Есть ли опасения, что он родится с дефектами?

А. Никоненков: Для выводов нужно время. У нас сформировался город, сформировалось его население, теперь надо посмотреть на рождаемость в динамике, а для этого должен пройти какой-то срок. А если говорить только о фактах мертворождения, то они, действительно, есть. Однако давать им особую оценку, что в Славутиче что-то не так, ни в коем случае нельзя.

Корреспондент: К данному времени, какой процент населения прошел медицинскую проверку?

А. Никоненков: Весь контингент работающих на станции — он подлежит периодическим осмотрам, — школы, воспитанники детских садиков и яслей. «Выпадают» взрослые, нигде не работающие, и дети, которые не хо-

СЛАВУТИЧ: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

дят в школу или детсад, последних около двух тысяч.

Н. Суркова: Сколько детей появилось на свет с врожденными заболеваниями?

А. Никоненков: Врожденных заболеваний нет.

Н. Суркова. Не верю. У нас были комиссии, и назывались цифры...

А. Никоненков: Всем хочется, чтобы было что-нибудь такое. А мы подтверждаем, что из всех 208 детей, родившихся в этом году, только трое имеют отклонения в состоянии здоровья.

Корреспондент: У меня к вам, Адислав Семенович, вопрос: правильно ли, что в Славутиче медицина ведомственная? Ваша медсанчасть подчинена печально известному третьему главному управлению Минздрава СССР.

А. Никоненков: Ведомственная медицина и на железной дороге, и в Аэрофлоте.

Корреспондент: Но она обслуживает только работающих в этих ведомствах, а здесь все население, даже те, кто к станции не имеет никакого отношения, так сказать, под вашим «колпаком».

Г. Гаврилов: Я лечился и у «обычной» медицины и могу сравнивать. Безусловно, уровень нашей, славутичской, выше. А вот насколько эта медицина, собственно, блюдет интересы ведомства, я не готов ответить.

А. Никоненков: Я хочу спросить у корреспондента: а чем отличается наша медицина от существующей в области? Она что, хуже?

Корреспондент: Нет, не хуже, а кое в чем даже лучше. Но вы учтите то обстоятельство, что, создавая современный город, как его назвали, город XXI столетия, создавали и современную инфраструктуру, в том числе медицину. А в области, как здравоохранение развивалось при всех наших недостатках и нехватках, такое и есть. Здесь сравнение, думаю, не совсем корректное.

Реплика: У нас больница стоит недостроенная, все сроки прошли. Вот такой уровень.

А. Никоненков: Скажу больше. У нас не хватает 50 врачей и минимум 130 медицинских сестер. Такой ведущей и очень нужной нам специальности, как педиатры,

у нас 50 процентов от потребности. Это самая больная проблема.

Г. Данилейко: И в народном образовании такая же пессимистическая ситуация. Не буду говорить, как мы мучаемся. «Некомплект» кадров — два десятка специалистов, даже директора школы не можем найти. Нагрузка на учителей — более полуторы ставки. В городе XXI столетия — учителя со средним специальным образованием. Школы работают в две смены. А приближается демографический взрыв: сегодня во всех трех школах по три первых класса, через год-два будет по шесть-восемь. А кадров нет. Обстановка слишком серьезная.

В. Гаврилов: Вот из этого мы и исходим, подчеркивая, что в наших особых условиях должны быть созданы обычные условия для проживания. Сомнений нет, морально-психологический климат у нас сложный, такой, как и у жителей Народичей, Брагина, Киева... Люди идут и идут к нам со своими вопросами, тревогами, волнениями, а мы им не отвечаем. Не потому, что не хотим или держим в секрете ответы, а потому, что и сами их не имеем. Ни наука, ни медицина нам их не дают, потому что тоже не знают... Понятно, к чему приводит такая обстановка неопределенности.

В. Щербина: В социально-психологическом аспекте она, как сказал Геннадий Анатольевич, сложная. И это все здесь понимают. Она даже сложнее, чем в окрестных населенных пунктах: там люди жили всегда, родились, выросли, они попали в беду, но родных очагов покидать не хотят. А к нам ехали добровольно, и людей заверили, что никакой тревожной ситуации здесь нет. И потому они вправе говорить и говорят, что поставлены под удар, под удар поставлены их дети. В такой обстановке не просто жить и работать.

К этому прибавилась массивная критика станции. Люди ехали сюда, чтоб исполнить свой долг перед госу-

дарством, а их обвиняют во всех смертных грехах, хоть к аварии они не имели и не могли иметь никакого отношения. Представляете, какая тяжесть у них на душах! Поэтому мы говорим, что ситуация в городе непредсказуема. И у нас есть просьба: если мы нужны стране, нам надо создать условия для работы, если нет — тогда закрывайте станцию, отселяйте город.

Н. Суркова: Нам, припятским, даже думать страшно, что снова нужно будет куда-то ехать. Это так трудно, так угнетает...

Л. Носарева: Верховный Совет принял постановление о закрытии станции. А кто скажет, что делать нам? Какие у нас перспективы, будущее, где нам работать? Нет у города будущего, а мы ехали сюда с надеждами. Как же нам быть дальше?..

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ. На угнетающей, печальной ноте закончилась наша беседа. Город, будущее которого никто не знает, не может жить и нормально работать в такой обстановке. Все наши беды — командный подход к делу, ведомственность, отсутствие научных разработок, технологическое отставание, дефицит крайне нужных приборов для налаживания жесткого и всестороннего дозиметрического контроля и многого другого — сконцентрировались тут, в Славутиче, усилились необычностью, уникальностью обстоятельств, в которые он попал. Особенно остро стоит вопрос медицинского обслуживания, его объективных диагнозов и широкой профилактики. Ясно, что жить в такой обстановке люди долго не могут. И поэтому проблемы Славутича, 16 тысяч его жителей должны сегодня стать предметом самого тщательного внимания всех причастных к нему организаций, правительств страны и республики.

Беседу за «круглым столом» записал
Г. ПИВОВАРОВ.